

«ВКУС, БАТЮШКА, ОТМЕННАЯ МАНЕРА...»

«ГОРЕ ОТ УМА» было закончено Грибоедовым в 1824 году. По мнению, кажется, всех исследователей, на пьесе явно ощущается влияние декабристов. Не случайно после подавления восстания Грибоедов был арестован, не случайно его комедия на протяжении нескольких лет была запрещена цензурой и для печати, и для постановки. Уже первые спектакли Малого театра с участием М. Щепкина и П. Мочалова воспринимались как горячий протест против крепостного права, утверждали достоинство человека. И на протяжении последующих лет, в каждой новой постановке «Горя от ума» вполне или несколько происходило сближение с революционными идеями декабристов. Особенно очевидно это проявлялось и проявляется в советском театре — вплоть до новой постановки комедии в Малом театре (руководитель постановки М. Царев, режиссер В. Иванов, художник Е. Куманьков, композитор Е. Крылатов).

Со всей наглядностью в спектакле противопоставляется тупая сила фамусовского дома, с его мешанской, несмотря на дворянство гостей и хозяев, ограниченностью тому, что утверждает Чацкий.

...Свет в зрительном зале только еще гаснет, а уже слышится звук флейты и фортепиано. На сцене полутьма, горят в голландской печи дрова, в кресле прикорнула Лиза. Художник создал интерьер жилой комнаты московского дворянского дома, не дворца, как это бывало в некоторых прежних постановках, а именно дома. Стена заканчивается полукружием. Когда оно откроется, мы на миг заглянем в комнату Софьи. А в третьем акте за полукружием предстанет зал, но опять-таки не дворцовый, а какой мог быть у крупного чиновника. На заднем плане видны деревья и panorama Москвы.

Режиссер как бы опустил спектакль с традиционных кутурнов и перевел его в бытовую план, не лишая поэтичности. Скажем, в одной из важнейших сцен спектакля Скалозуб и Фамусов сидят в комнате за столом и ведут беседу. А в сцене Чацкий перелистывает журнал. И монолог, в значительной степени обращенный к Чацкому:

Вкус, батюшка, отменная манера!
На все свои законы есть...

— Фамусов произносит, не вставая с кресла. Он говорит о том, что может быть близко Скалозубу и в чем сам убежден. А что касается Чацкого, то пусть и он поучится уму-разуму.

Исполняя роль Фамусова, М. Царев подчеркивает полную убежденность персонажа в его правах и привилегиях. Он — хозяин положения. У Фамусова есть своя вера, в ней он непоколебим. Фамусов Царева — че-

ловек грубый, откровенно считающий подлость добродетелью. При этом речь Царева необыкновенно гибкая, разнообразна, чиста. Артист читает стихи, соблюдая все богатство темпов и интонаций, у него поразительное умение так обращаться с грибоедовским текстом, что он сохраняет качества и поэтической, и разговорной речи.

Первая, с кем по ходу действия встречается Фамусов, — Лиза (артистка Е. Глушенко). Она прехорошенькая, разбитная. Когда Молчалин пристраст к ней с любезностями, она ставит его на место. И перед Фамусовым не особенно робует. В Лизе видны и ум, и ее не лакейское, а дружеское расположение к Софье.

Что касается образа Софьи, то артистка Н. Корниенко удачно показывает при первом столкновении с отцом, что Софья вышла из повиновения. Хороша также сцена первого свидания с Чацким. Но во второй части спектакля от Софьи хотелось бы большей активности.

Молчалин у В. Клюева не только сдержан, но и по своему умен. Во время беседы с Чацким все замечания, всю иронию собеседника Молчалин отвергает убеждением в своей правоте. Мало того, он изобретает с Чацким покровительство.

Блестяще сыгран подполковник Скалозуб Р. Филипповым. Конечно, до известной степени это маска, но ведь и у Грибоедова Скалозуб — «созвездие маневров и мазурики». Его короткие реплики, роко-роко, смех, манера держаться — все характерно. Артист А. Смирнов в роли Загорецкого радует прекрасным чувством стиха. К лучшим достижениям спектакля отнесем исполнение Н. Подгорным роли Репетилова. Привлекают мастерство, с которым он произносит монологи, и умение показать героя в его, если угодно, драматизме, в том, что он никчем и ненужен. Гости на вечерах у Фамусовых: Тугуховские — артисты Н. Рыжов и М. Седова, Хлостова — Е. Гоголева, графиня-бабушка и внучка — артистки С. Фадеева и Т. Рыжова и слуги, молчаливые и разговорливые, характерны и достоверны.

Жестокому крепостническому миру противопоставляет Чацкий, которого играет артист В. Соломов. Его первая беседа с Фамусовым не содержит открытого вызова обществу. Просто Чацкий считает для себя обязательным говорить правду, не боится смеяться над всем, что заслуживает смеха. Не смешное и отвратительное — суть фамусовского общества. Отсюда и возникает ответная реплика Софьи: «Не человек, змея!»

Но вот Чацкий оказывается в обществе Фамусова и Скалозуба. Перед этим его уязвила холодность Софьи, а теперь оскорбляют пошлые сентенции Фамусова, фанфаронство Скалозуба. Казалось бы, в словах Чацкого должны были прозвучать страсть и презрение, негодование против крепостнической Москвы. Но монолог «А судьи кто?», как мне кажется, не прозвучал в полную силу. И другой монолог, исполненный на балу: «В той комнате везначная встреча: французия из Бордо, надсаживая грудь...» — тоже произнесен без публицистического азарта. Пьеса же дает основания для того, чтобы публицистический монолог обратить к зрителям. Такова условность театра, тем более классического, многие традиции которого Грибоедов использовал. Тут нельзя не вспомнить, что говорил о Чацком Герцен: «Чацкий шел прямой дорогой на извощившую работу, и если он уцелел 14 декабря, то наверно не сделавшись ни страдательно тоскующим, ни гордо презирающим лицом». Не отказываясь от характеристики, надо бы усилить публицистическое звучание образа Чацкого. Кстати сказать, это удастся в последнем акте. Монолог «На образумлюсь... выношу...» звучит в полную силу. А в конце монолога Чацкий стремительно вбегает на лестницу, чтобы в последний раз взглянуть на ту, которую любил, которой верил и которая предала его...

Спектакль заканчивается на горькой и светлой ноте. Хороший, умный, волнующий спектакль.

Ю. ДМИТРИЕВ,
доктор искусствоведения